

«Жизнь устроена как ловушка. Ты ее проживешь»

Андрей БИТОВ — о жизни и литературе в беседе с корреспондентом «МН» Мариной ДАВЫДОВОЙ.

— Мне недавно в руки попала книжка 1957 года, где собраны стихи молодых ленинградских поэтов, многие из которых стали теперь довольно крупными фигурами в литературе. Стихи такие слабые и наивные, что, кажется, у людей, их писавших, не было под ногами никакой культурной почвы. Когда вы вступали в литературу, вас не преследовало ощущение, что за спиной черная дыра, что «порвалась связь времен»? Я имею в виду не традицию русской литературы XIX века, а непосредственную связь — тех писателей, которым можно руку протянуть. Как Бродский или Ахматова.

— Какого-то одного человека, наверно, все-таки не было. Но люди возвращались из ГУЛАГов, в том числе и из внутреннего ГУЛАГа, и происходила смывка через поколения. Это были писатели очень разного масштаба, в 20-е начавшие что-то делать, но впоследствии очень себя ограничившие. Через них можно было лишь догадываться о контурах культуры, как о ней можно было догадываться по самому Петербургу, который, к счастью, не был ни разбомблен, ни перестроен и хранил в себе какую-то структуру. Конечно, очевидно иногда осознавать, что жизнь потрачена не столько на созидание, сколько на восполнение. Что пришлось лечь мостом над пропастью. Но со временем оказывается, что ценен не только конечный продукт, но и путь. И по самому высшему счету только этот путь и важен.

— В одной из своих повестей вы вспоминаете, как в некую редакцию читатель присылает письмо с вопросом: почему раньше было много гениев, а теперь не стало вовсе. Все смеются, а вы начинаете всерьез размышлять об этом. Вопрос, по моему, и впрямь не праздный.

— Цитата несколько вырвана из контекста, к тому же мысль со временем у меня уже варьируется. Так вот, что касается гениев. Мне кажется, что против культуры гораздо больше всяческих запретов сработало обращение с классикой. Гений — это же состояние вдохновения, которое может посетить и маленького человека. А вот то, что классиков превращали в таких членов политбюро, что велась идеологическая борьба за звание гения, великого, выдающегося, крупного, наносило самый большой урон культуре. Ведь парадоксально, что запрещали Бог знает какого современного автора и одновременно разрешали быть Толстому. Даже Достоевского с трудом, но переваривали. За «Бесов» борьба велась десятилетия, но все же они стояли на полке, и мы могли их пусть в ископленном виде прочитать. Как могли прочитать и Пушкина. И хуже врага у советской власти, чем Пушкин, не было. Поэтому надо было сделать из него Сталина. То есть, чтобы уничтожить гениев, их надо было назначить. Объявление людей памятниками — тоже цензура.

— Многочисленные юбилейные торжества, ставшие в последнее время основным театральным жанром, ясно обозначили переход представителей вашего поколения в истеблишмент. Тоже своего рода объявление памятником. Вас собственный юбилей в этом смысле не пугает?

— Пышные юбилеи — это скорее всего списание поколения. Вот отпели вас в бронзу и вас больше нет. Я, разумеется, пытаюсь как-то уменьшить коэффициент публичности тем, что вернусь на родину, в Ленинград, что постараюсь ограничиться людьми, которые действительно что-то значили в моей жизни. Но принципиально это, конечно, ничего не меняет. Я сформулировал когда-то правило, что ошибку поправить нельзя. Ее можно только изжить, искупить, ибо ошибка — только кажущаяся поверхность явления. Юбилей — это, конечно, ошибка. Но избежать ее невозможно, как невозможно будет потом поправить. Это только храм Христа Спасителя можно по-

ставить, как будто не разрушали. Вроде есть, а на самом деле нет.

— А сама смена положения в социальной структуре, превращение из «маргинала» в свадобного генерала что-то значит для вас как писателя? Не вызывает чувство дискомфорта?

— Моя жизнь всегда была довольно приватной. И на то, что происходит теперь, я смотрю как на какой-то налог судьбы. Пятьдесят лет прожил приватно, теперь приходится расплачиваться. Должен сказать, что приобрел много нового опыта, в котором был полный неопит, поскольку совершенно не представлял себе, что значит быть в каком бы то ни было общественном состоянии. Я теперь понимаю, кто такие начальники, генералы, дипломаты. Прежде эти люди были для меня — «они». И то, что за 10 лет немножко разбавлено советское «они», что возникло большее ощущение единой жизни — это, наверно, какой-то полезный опыт. Но он одновременно и никуда не годится. Из него не сделаешь ничего съедобного в смысле текста.

Нужда во власти тоже имеет две стороны. С одной — хочется возле нее погреться. С другой — ей противостоять. Ведь власть — это могучая энергия, накопленная не вами, и, отражая ее, вы сами обретаете энергию. Легко быть и смелым, и новым, если вокруг существует запрет.

Власть становилась как бы соавтором писателя. И в какой-то момент уже превращается в привычку.

— Вы полагаете, что идея о противостоянии художника и власти

самому принадлежит твой текст, совсем непростой. Ведь жизнь тебе не принадлежит. А текст, по сути дела, и состоит из времени, опыта, языка... Можно ли объявить этот состав собственным? И если человек может полпроцента индивидуальности вложить в то, что он делает, он уже вроде как становится великим.

Я когда-то разрабатывал теорию о том, что вся жизнь человеческая построена на наркомании. Игла или, скажем, водка — это наркомания в наиболее чистом виде. Но и любовь — наркомания, и вдохновение, и стремление к самореализации. Этим, вероятно, объясняются трагические концы русских поэтов. Появлялись, что они не могли существовать в этой системе, но зачем же руки на себя накладывать, если можно просто не писать. Выходит, это тоже такая зависимость наркотического плана — от славы, от самого процесса писания, от удовлетворения: ах какой я гений, что такое сочинил. Да и вообще, какой смысл человеку рожать, что-то строить, стараться быть лучше других? Если вдуматься — это так глупо, так бессмысленно. Конечно,

можно попытаться объяснить это страхом смерти или ложно понятыми формами бессмертия.

И все же этого недостаточно, чтобы понять непрерывные усилия человека быть, а не только выжить.

Я долго пытался вывести формулу человеческой жизни и пришел к

выводу, что человек сотворен для

выполнения какой-то за-

дачи, которая не

по силам

даже Богу. Толь-

ко не следует думать,

что суть этой задачи в чем-

то грандиозном —

вроде стройки комму-

низма. Она в том, чтобы про-

сто постепенно выращивать

жизнь из зернышка. Вы заметили, что, если что-то очень хочешь совершить, это рано или поздно случается. И думать, что какие-то твои усилия не оплачиваются под Богом, бессмысленно. Мелкие земные радости и есть гонорар. Я вовсе не исповедую теорию малых дел. Просто теорию крупных дел отрицаю полностью.

— Есть, по-видимому, лишь две безусловные ценности — Бог и человеческая личность. Все прочее от лукавого. Теории крупных дел этих ценностей как раз не учитывают. Они строятся, как правило, на противопоставлении корпоративных интересов — национальных, социальных и т.д.

— Все теории крупных дел строятся на стремлении насиловать жизнь, пытаться ее перекричать. Это глупо и бессмысленно, ибо она все равно мудрее нас. Загадка жизни в том и состоит, что ее не разрешить. В этом ее замечательное свойство, в этом ее фокус. Даже большевики не научили природу халтурить. Можно ее искалечить, но суть уничтожить нельзя. Посмотрите, как она старается, как исправно работает. Непрерывность жизни — вот что самое главное и удивительное. У меня есть такая метафора, что человечество — это муравейник, который строится во времени, и, очевидно, все — от египетских пирамид до сегодняшних эстакад — имеет какой-то смысл. Усилия отдельного человека мало что значат. Он делает то, что должно делать. Ведь муравей не обсуждает своих действий.

— Муравей, понятно, не обсуждает. А у человека-то — свобода выбора.

— Человек тоже мало что обсуждает.

— То есть все детерминировано?

— В историческом смысле — да. Как бы человек ни крутился, но обществу послужит, оно его употребит. В нас с самого начала включены программы — мощные и настойчивые, по которым мы должны пройти свой путь, что-то сделать, продлить род. По сути дела, человек идет в шорах. Ему только кажется, что он сам выбирает направление. И сколько ни думай о секрете жизни, она устроена как ловушка. Ты ее проживешь...

Рисунок Резо ГАБРИАДЗЕ из книги Андрея Битова «Вычитание зайца»